

ОДЕССКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ
СТРОИТЕЛЬСТВА И АРХИТЕКТУРЫ

ИНЖЕНЕРНАЯ АКАДЕМИЯ УКРАИНЫ
(ОДЕССКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ)

ОДЕССКИЙ ДОМ УЧЕНЫХ

МЕХАНИКА СИММЕТРИЧНЫХ НЕОДНОРОДНЫХ СРЕД И ЕЕ ПРИЛОЖЕНИЯ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ПАМЯТИ
АКАДЕМИКА ИНЖЕНЕРНОЙ АКАДЕМИИ УКРАИНЫ,
ДОКТОРА ТЕХНИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА
МИХАИЛА ЛЕОНИДОВИЧА БУРЫШКИНА

Одесса – 1997

Часто вспоминая своего незабвенного друга, то и дело задумываюсь над вопросом: в чем же был секрет его недожженного и неповторимого обаяния. В мягкости, открытости, отзывчивости? Пожалуй, что и так. Сказать одним простым словом – в доброте? И это верно. Притом удивительно, как доброта сочеталась в нем с сильным, по-настоящему мужским, спортивным характером.

Так случилось, что познакомились мы на баскетбольной площадке. Было это во второй половине 1950-х годов, на популярном тогда среди одесситов Первенстве вузов города. Как-то на пороге сезона многие в одночасье заметили, что резко "прибавила" команда института инженеров морского флота, где тон игры стал задавать молодой брүнэт – первокурсник Михаил Бурыйшкін: игру разводил умело и сам много и результативно атаковал кольцо соперников. Вскоре появился он и в главной команде города, выступавшей в начале 60-х годов в высшей лиге Первенства Союза. В общем и целом М.Л. Бурыйшкін отыграл в командах мастеров полтора десятка лет – на высоком уровне начал выступать студентом – младшекурсником, а закончил, будучи доцентом. Завидное спортивное долголетие, способное удивить всякого, кто разбирается в спортивных играх.

Был ли он спортсменом-профессионалом? И да, и нет. Ведь он и его сверстники застали в баскетболе то время, когда, выражаясь языком наших земляков – классиков, "немного кино уже не было, а звукового кино еще не было". Уже стало ясно, что любительский спорт на высшем уровне себе изживает, но чиновники и пресса ханжески стеснялись назвать наш спорт профессиональным. Где-где, а на площадке Бурыйшкін ощущал себя профессионалом: серьезно и много тренировался, в игре много брал на себя, не смирялся с угрозой поражения, не пасовал перед более сильным противником. Но полностью в спорт не ушел. Дело в том, что, видно, при рождении был он обласкан разными феями, и его пытливой натуре мало было лишь спортивной борьбы. Вот и вышло так, что он явился продолжателем той старой, доброй, в чем-то романтической традиции спортивного любительства: как бы ни прогрессировал в баскетболе, никогда не забывал о своем главном предназначении и главном деле, о научных интересах, которые прежде всего диктовали ему – студенту, аспиранту, преподавателю – определенную жизненную стратегию.

Ему повезло с учителями, особенно – в аспирантуре и в первые годы преподавания. С необычайной любовью говорил он всегда о Марке Григорьевиче Крейне (М.Г.), не переставая и после кончины последнего ощущать дистанцию между Учителем и даже лучшими среди его учеников. Но, позволю себе заметить, что и его учителям повезло с учеником – одаренным, трудолюбивым и целеустремленным. Последнее качество,

столь очевидно проявившееся в спортивной карьере Михаила Леонидовича, было в неменьшей мере присуще ему и как исследователю. Для того, чтобы оценить это, не обязательно было быть специалистом по теоретической механике или инженером: психологический склад личности убедительно говорил о многом.

Поражала его искренняя привязанность к педагогической работе, которую так часто – не вслух, но молча – недолюбливали многие из наших сотоварищей по вузовскому цеху. Мне посчастливилось однажды, дожидаясь Михаила Леонидовича, послушать его лекцию. Положа руку на сердце, не скажу, чтобы лица большинства его слушателей были так уж интеллектуально выразительны и вызвали желание "выложиться". Но Бурыйшкіну не нужно было занимать вдохновение извне, оно бурлило в нем самом. Лекция восхитила меня концертным, если позволено так выразиться, качеством исполнения. Уж не говорю об удивительном контакте с аудиторией, в которой кое-кто и школьный-то курс успел подзабыть, и о доходчивости: даже мне, безнадежному гуманитарно, было понятно, о чем шла речь, и я сам не заметил, как увлекся, и всерьез огорчился, когда прозвенел финальный звонок.

Где тот уникальный студент, который способен на основе своих конспектов восстановить лекции педагога слово в слово? Боюсь, что ни Михаилу Леонидовичу, ни многим из нас не посчастливилось встретить такого ученика. А то, ведь, можно было издать его лекции, и они – в силу своей нестандартности – воспринимались бы студентами легче иных существующих книг и были бы нарасхват. Частенько я убеждал своего друга, что неплохо бы ему было сосредоточиться на написании абсолютно нестандартного учебника по теоретической механике, своего рода "антиучебника", лишенного привычно – агрессивного дидактизма, но привлекающего свободным стилем изложения, оригинальными примерами и логической стройностью. Безусловно, он был способен сделать это. Может быть, как никто другой из современников. Ведь, как говорил брехтовский Галилей, "наружу выходит ровно столько истины, сколько мы сами выводим". И если не написал такой книги человек, предназначенный для того самой природой, то могут пройти еще десятилетия, а этой задачи так никто и не выполнит. Михаил Леонидович соглашался с моими аргументами, даже сам начинал увлекаться необычной идеей и лишь отговаривался: "Вот закончу такое дело да еще такое, а уж тогда..." Этого-то "тогда" природа ему – увы! – не отпустила.

Когда грянула эпоха не слишком цивилизованного "первоначального накопления", многие его приятели, сотрудники, ученики ничтоже сумняшеся ринулись в сферу бизнеса. Казалось бы, Михаилу Леонидовичу с его кипучей энергией и деловыми (в хорошем смысле) качествами по плечу было бы создание какого-нибудь совместного наукоемкого производства или альтернативного учебного заведения, но его почему-то такие

перспективы не привлекали. Он остался верен традиционно академической деятельности и среде привычного функционирования: это была его среда.

Несомненно, он очень ценил свою профессию, унаследовав, по-видимому, такое отношение от своих родителей – вузовских педагогов. Любил студенческую аудиторию, дорожил рабочей обстановкой на кафедре, которой последние десять лет руководил, стимулировал активность целой научной школы. Притом нельзя сказать, чтобы он был кабинетным ученым или затворником-специалистом. Человек разносторонне одаренный, он и жизнь любил в самых разных ее проявлениях – в профессии, в спорте, в интересных поездках, в увлекательных дискуссиях...

Был азартен во всем. Вспоминаю наш "ветеранский" спорт – довольно регулярные выходы с мячом в спортзал или на летнюю площадку в конце 80-х – начале 90-х годов. Михаил Леонидович был душой и лидером небольшого круга бывших баскетболистов. И даже во время не очень "ответственных" и вполне умеренных по темпу наших передвижений поединков "два на два", которые и нужны-то были нам, по сути, для поддержания хорошего тонуса, он оставался по-юношески азартным бойцом и не одобрял несерьезного отношения к игре. Таков он был в любом деле.

Любил он своих близких и друзей. Другом был настоящим, которому можно было довериться в самых сокровенных мыслях и поступках, его совета – испросить не ради формы, а из насущной потребности. Принадлежал к тому редкому типу людей, которым нравится делать добро другим – не то, чтобы близким, а даже просто знакомым. "Я попробую Вам помочь", – говорил Михаил Леонидович, и это означало, что он хочет Вам помочь и надеется, что сможет помочь. Ради красного словца таких заявлений не делал и пустых обещаний не давал.

Михаил Леонидович был великолепным собеседником и отменным рассказчиком. Мне приходилось видеть, как в компании, где превалировали люди, принадлежавшие к т.н. художественной интеллигенции, "затухали" профессиональные мастера разговорного жанра, почувствовав, что вниманием слушателей безраздельно овладевает... профессор теоретической механики. Жила в нем, думается, какая-то скрытая, нереализованная тяга и к гуманитарному знанию – знанию, которого он отнюдь не чуждался. Недаром так любил читать, знал наизусть много стихов. Когда-то поразило меня, как без запинки, с точными смысловыми акцентами, не демонстрируя себя (просто к слову пришлось), прочел он наизусть чуть ли не всю маленькую трагедию Пушкина "Моцарт и Сальери". Позже я перестал удивляться и воспринимал подобные случаи как норму.

В 1993-95 годах жили мы с Михаилом Леонидовичем, к сожалению, на большом географическом расстоянии друг от друга; общались хоть и регулярно, но главным образом по переписке, и должен признаться, что среди многочисленных моих корреспондентов был он одним из самых ярких по чувству слова, по нестёртости выражений и композиционной вы-

строенности эпистолярного текста. От чтения его писем испытывал я поистине эстетическое удовольствие.

Не припомню, чтобы он когда-нибудь жаловался на судьбу. Дело во-все не в том, что так уж всегда был он удачлив и двигался по жизни только на зелёный свет. Просто воспринимал житейские невзгоды как нечто естественное, как препятствия, которые нужно преодолевать. Он искал выход из любого трудного положения, искал и находил. Если сложности касались руководимой им и зависимой от его решений группы людей, он, как и в спорте, все брал на себя, не перекладывая на плечи других ни ответственности, ни нагрузки. При этом вовсе не считал, что совершает какой-то подвиг: все это было для него в порядке вещей. Проблемы семьи, друзей, его кафедры, учеников органично становились его личными проблемами, и он их решал. Если попытаться сегодня подсчитать число людей, испытывавших на себе участие и заботу Михаила Леонидовича, то полагаю, что имя им – легион. Все ли они помнят и по сегодняшний день его добро?

Не жаловался он и на болезнь, подстерёгшую его совершенно неожиданно, и так резко и бесцеремонно вмешавшуюся в его наполненную до краёв жизнь. Не хотелось бы гневить высшую силу (если таковая имеется), но вижу какую-то жуткую несправедливость в том, что из жизни уходят в расцвете сил такие люди – даровитые, деятельные, столь многим необходимые. Был я далеко от Одессы в тот сентябрьский день 1995 года, когда друга моего не стало; не имел возможности проводить его в последний путь, в последний раз взглянуть на него. Но признаюсь откровенно: никак не могу себе представить его неживым. Для меня, как, вероятно, и для многих других, кто близко знал Михаила Леонидовича Бурышкина, он навсегда останется живым, энергичным, по – спортивному подтянутым, улыбающимся, излучающим редкое обаяние. Обаяние яркой личности.

Соколянский М.Г., доктор филол. наук, проф.

Любек, Германия